

радь подавалась къ инспектору, который иногда кое-кому и от-казывалъ въ позволеніи. Но эти распоряженія исполнялись не очень строго; студенты находили возможность уходить не только безъ позволенія, но даже противъ желанія инспектора. Теперь подь опасеніямъ немедленнаго исключенія изъ академіи приказано было ни подь какимъ видомъ безъ позволенія инспектора не отлучаться *даже на смежный семинарскій дворъ*. Притомъ получившій дозволеніе выйти изъ академіи долженъ былъ исполнить разныя, такъ сказать, церемоніи, отаготительныя даже для воспитанниковъ среднихъ училищъ, но ужъ очень унижительныя для взрослыхъ людей. Студентъ для выхода изъ академіи получалъ полу-печатный, полу-письменный билетъ, въ которомъ означалось, что такого-то года, мѣсяца и числа такой-то студентъ уволенъ начальствомъ академіи на столько-то времени; дозволеніе скрѣплялось подписью инспектора. Этотъ билетъ студентъ долженъ былъ показать привратнику и у него въ сторожкѣ собственноручно записаться въ особой книгѣ. Безъ билета привратникъ имѣлъ право не пропускать никого, и если его не послушаются, то немедленно донести о такомъ своеволіи начальству. По возвращеніи изъ города студентъ являлся къ инспектору и лично отдавалъ ему въ руки свой билетъ; принимавшему билетъ представлялась тутъ возможность убѣдиться, въ добромъ ли здоровьи возвратился студентъ.

Прошло и то золотое времечко, когда студенту можно было днемъ по желанію полежать на своей кровати. Устроенныя спальни на день запирались прислугою и отпирались только въ то время, какъ нужно было ложиться спать, — около 10 часовъ. Пришлось также разстаться съ любимую семинаристами привычкою, лежа на кровати подь одѣяломъ, почитать что-либо усыпительное, или съ сосѣдомъ побалагурить сколько-нибудь; въ спальняхъ приказано было соблюдать полную тишину, не говорить, а только спать. Комнаты же для занятій запирались непременно въ 11 часовъ унтеръ-офицеромъ, который, если бы какой-либо слишкомъ прилежный студентъ не хотѣлъ идти въ спальню, долженъ былъ тотчасъ же донести инспектору о такомъ безпорядкѣ. Утромъ эти комнаты отпирались не ранѣе пяти часовъ; такимъ образомъ студентъ волею-неволею, а долженъ былъ лежать въ постелѣ, по крайней мѣрѣ, отъ 11 до 5 часовъ. Но въ шесть часовъ былъ звонокъ и нужно было непременно вставать, потому что прислуга принималась за уборку спаленъ.

Не обошлось безъ подтвержденія, чтобы студенты непременно ходили на лекціи въ надлежащее время, а не просиживали ихъ